Боровой Евгений Михайлович

СТРАХ СМЕРТИ В КОЛЛЕКТИВИСТСКОЙ И ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРАХ

В статье рассматриваются в онтологическом аспекте сущность и природа феномена страха смерти. Наряду с биологической составляющей страха смерти характерно выявляется его духовная составляющая, связанная с осознанием человеком своей смертности. Определяется, что усиление страха смерти напрямую зависит от степени развития индивидуализации личности и общества. Учитывая это, автором проводится сравнительный анализ страха смерти и исследуются механизмы его нейтрализации в коллективистской и индивидуалистической культурах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 30-33. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

а на силу общественного мнения. Как право, так и мораль представляют собой совокупность норм, выражающих не только волю господствующих социальных групп, но также и некоторые межгрупповые «общенародные» представления о добре и зле, справедливости и несправедливости, о допустимом и недопустимом в поведении людей. Но если правовые предписания проводятся в жизнь особыми учреждениями, то моральные требования формируются в условиях бытия малой группы, в процессе повседневного общения людей. Мораль и право как факторы регуляции общественных отношений и социально приемлемого индивидуального и группового поведения являются общекультурным результатом исторического опыта совокупного человечества, получающим различное оформление у разных народов в различные исторические эпохи.

Список литературы

1. **Аристотель.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
2. **Гегель Г. В. Ф.** Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. **Гусейнов А. А.** Социальная природа нравственности. М., 1974. 157 с.
4. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1979. Т. II. 779 с.
5. **Дробницкий О. Г.** Понятие морали. М., 1974. 386 с.
6. **Ильин И. А.** О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.
7. **Краткий философский словарь** / под ред. А. П. Алексеева. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 496 с.
8. **Платон.** Сочинения: в 3-х т. М.: Мысль, 1968. Т. 1. 623 с.
9. **Титаренко А. И.** Структуры нравственного сознания. М., 1974. 278 с.
10. **Шабанова Н. С.** Духовный потенциал личности: специфика и проявление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10). Ч. II. С. 186-190.

MORALITY AND LAW AS SOCIAL RELATIONS REGULATION FACTORS

Bol'shakov Evgenii Vladimirovich
Ivanovo State University (Branch) in Shuya
relativus@mail.ru

Law and morality have significant differences. However, they share common features: the rules of social life that arise in people's consciousness and conform to a certain type of culture are aimed at social relations regulation. The author presents the results of the analysis of the main aspects of the correlation between morality and law in the system of social reality, and also considers the general directions of the interaction between moral and legal norms as the factors regulating human activity under the conditions of modern society.

Key words and phrases: morality; law; social reality; regulation; factor.

УДК 1
Философские науки

В статье рассматриваются в онтологическом аспекте сущность и природа феномена страха смерти. Наряду с биологической составляющей страха смерти характерно выявляется его духовная составляющая, связанная с осознанием человеком своей смертности. Определяется, что усиление страха смерти напрямую зависит от степени развития индивидуализации личности и общества. Учитывая это, автором проводится сравнительный анализ страха смерти и исследуются механизмы его нейтрализации в коллективистской и индивидуалистической культурах.

Ключевые слова и фразы: страх; смерть; индивидуализм; коллективизм; героизм.

Боровой Евгений Михайлович
Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики
bor77@ngs.ru

СТРАХ СМЕРТИ В КОЛЛЕКТИВИСТСКОЙ И ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРАХ©

В онтологическом аспекте, связанном с феноменом страха, отчуждение человека наиболее характерно проявляется в принципе конечности. Данный принцип заложен в самой структуре человеческого сознания, он находится в центре личного существования человека. Главным критерием конечности выступает временный характер существования человека. Причём эта временность является не универсальной и объективированной, а внутриличностной, субъективной характеристикой переживания человеческого существования. Но только благодаря этому человек способен осознавать свою конечность в этом мире. Вот как характеризует эту ситуацию А. Н. Чанышев: «Человекобытие – бытие, осознающее свою неустойчивость, осознание конечным своей конечности, а тем самым и противостоящей ему бесконечности (в сознании)» [5, с. 163].

© Боровой Е. М., 2013

Что же пугает человека в его отношении к окружающему его бытию? Исходя из сравнения бесконечности (с субъективной точки зрения временности человеческой жизни) природы и конечности человеческого существования, можно выделить следующие причины: природа бесконечна, а человек конечен и ограничен, она существует без перерыва, а он преходящ и смертен; вещи погибают и изменяются ежеминутно, а он в силу своей конечности видит этот процесс только фрагментарно; они имеют своё начало и свой конец, а он не знает ни того, ни другого; они состоят из одной основы, а он антиномичен в силу двойственности своей биосоциальной природы.

В наиболее концентрированном виде осознание человеком своей отчуждённости в аспекте конечности своего существования проявляется в страхе смерти как реакции на небытийственную угрозу бытийственному самоутверждению человека. Небытие здесь проявляется в виде феномена смерти, переводящего бытийственность человека за грань небытия, предшествующего ситуации его рождения. В феномене смерти в абсолютной форме проявляется полное разрушение духовных, социальных и биологических структур человека.

Осознание постоянного присутствия смерти в жизни имеет иной смысл для человека, нежели предчувствие смерти у животных (если таковое имеется: общего мнения по этому вопросу пока нет). Знание о смерти у человека не является ситуативным, оно не связано только с конкретной угрозой, а присутствует постоянно, будучи одной из основ мировоззрения, придавая окончательный смысл всем жизненным усилиям человека. Этому феномену трудно подобрать более точное определение, чем соловьёвское «человек и смертный – синонимы» [2, с. 538]. Смерть человека – это не только природный факт, но и феномен культуры. В модусе смерти отождествляются подчас два разных явления – «инстинкт самосохранения» и «страх смерти», имеющих совершенно различную природу: первый – биологическую, а второй – социокультурную.

Здесь необходимо различать «страх гибели», т.е. преждевременной или насильственной смерти, и сам «страх смерти» как неизбежный конец биологического и духовного существования человека в результате исчерпания жизненных ресурсов его организма. Сложность разделения двух этих феноменов связана с эмпирической неустановленностью естественного предела человеческой жизни. Смерть до сих пор является следствием (непосредственным или опосредованным) многих социальных причин. Отсюда наложение «страха гибели» на разумное признание необходимости смерти каждого индивида.

«Страх гибели» – это экстраполяция инстинкта самосохранения, которая играет жизнеобеспечивающую роль. Однако и инстинктивный в своей основе страх индивидуальной гибели, взятый в широком контексте, выполняет не всегда эгоистическую, а видосохраняющую функцию. С другой стороны, даже допуская связь любого вида страха с инстинктом самосохранения, надо учитывать, что индивидуальное сознание во многих аспектах детерминировано внешней средой. Небезопасная социальная среда, угрожающая человеку гибелью, способна усиливать прирождённый инстинкт самосохранения и порождать соответствующий страх.

Смерть является онтологической характеристикой человека как существа живого, следовательно, ограниченного временными рамками. Вместе с тем, от всех прочих живых существ человек отличается осознанием своей смертности, наличием определённого образа смерти в каждой конкретной культуре. Представление о смерти (понятие о своей конечности, предстоящем разложении тела, вера в загробную жизнь, переселение душ, воскрешение и т.д.) есть один из родовых, отличительных признаков человека как существа способного предвидеть своё будущее. Смерть всегда внушала человеку весьма негативные чувства, но вот сам механизм «снятия» страха смерти в различные исторические эпохи, в разных культурах был непохожим.

Восприятие смерти в культурах, где индивид ещё не выделился из племени, из рода, отличается от истолкования этого феномена там, где господствует персоналистическая идея. В тех обществах, в которых процесс индивидуализации зашёл не очень далеко, конец индивидуального существования не оценивается как проблема, поскольку слабо развито ощущение индивидуального бытия. Смерть ещё не воспринимается как нечто радикально отличное от жизни. Кончина человека толкуется как закономерное завершение определённого жизненного цикла.

Страх смерти возрастает по мере развития индивидуализации, и представители коллективистских культур менее подвержены воздействию этого типа страха небытия. Носитель ценностей, ориентированных на индивидуализм, более остро осознаёт страх не самоактуализироваться, не исполнить своё предназначение. Какой бы ни была богатой духовная культура, человека, видимо, всегда будет одолевать вопрос-сомнение: возможно ли вообще другое существование моего «Я» вне этого мира? Не иллюзия ли человеческого сознания – дихотомия «этот мир – иной мир»? Может быть, и нет этой дихотомии, а есть один мир, этот мир? И проживание в мире и есть единственная возможность бытия? Бытие, возможно, – это только тут-и-сейчас-бытие. Видимо, дихотомия здесь другая: «Бытие – Ничто».

Отличие коллективизма от более индивидуализированных культур обусловлено особым типом мужества, который свойственен устойчивому коллективизму и который подавляет страх смерти. Но уже тот факт, что мужество должно быть создано посредством множества психологических и ритуальных действий и символов, свидетельствует о том, что даже коллективизм вынужден преодолевать этот основополагающий страх. Человек в своём качестве человека независимо от той культуры, к которой он принадлежит, негативно осознаёт угрозу небытия и нуждается в мужестве утверждать себя ему вопреки.

Когда человеку под силу преодолеть страх смерти? Гегель точно определил: «Я не испытываю страха, с одной стороны, если обладая чем-то имеющим неприкосновенную самостоятельность, не считаюсь с насилием и знаю себя как силу, противостоящую этому насилию, которое не имеет никакой власти надо мною; с другой стороны, я не испытываю страха, если не считаюсь всерьёз с тем, что противостоящая мне сила в состоянии уничтожить и таким образом, даже испытывая насилие, остаюсь неповреждённым» [1, с. 112]. Не каждый может индивидуально противостоять власти «страха» смерти. Только в героическом поступке, колоссальном напряжении всех внутренних сил человека, активном действовании личный страх смерти нейтрализуется.

Героизм многолик, и высшим проявлением героизма является подвиг. Подвиг таит в себе глубокий смысл: это и мужественный поступок человека, подвигнутого на это самоотверженностью, любовь к Родине, и сам героизм подвигает других на героические свершения. Причём сопричастным к подвигу является не только совершивший великие деяния, но и простой человек, совершающий каждый день свой «маленький» подвиг.

В героическом поступке и в акте самопожертвования как в крайней степени геройства страх смерти, его вечный антагонист, преодолевается. Осмысленный героизм всегда наполнен устремлённостью в будущее, совершается во имя жизни. Но и страх смерти отличается обращённостью в будущее. В данном случае налицо и противоположность, и некая общность героизма и страха смерти, а точнее неотделимость друг от друга противоположностей – страх в ожидании надвигающейся опасности, грозящей смерти, вытесняется героическим деянием, защищающим будущую жизнь. Но страх за свою жизнь может быть сменён высшим страхом за ближних, за свой народ, за будущее планеты. Высший страх предполагает отрешение от личного страха во имя надындивидуальных, общественных ценностей. Гегель определил «страх перед Единым как начало мудрости», и этот «мудрый страх есть существенный момент свободы, и состоит он в освобождении от всего особенного, от всякого случайного интереса» [Там же]. Именно этот антиэгоистический страх сохраняется и служит одной из основ для героического поступка.

Человек по своей природе является существом смертным и в то же время стремящимся к бессмертию и вечности. В этом исходном экзистенциальном противоречии и заложены истоки амбивалентного отношения к смерти. Представитель любой культуры стремится к тому, что так ярко охарактеризовал в своих произведениях Мигель де Унамуно, – к «жажде бессмертия». «Ведь если я умру, – всё бессмысленно», – указывает он [3, с. 155]. Сущность страха, вызываемого осознанием беззащитности человека перед смертью, де Унамуно считает наивысшим состоянием души человека. В основе всех поступков человека он видит подчас бессознательное стремление к бессмертию, стремление оставить о себе память в истории потомков. «Отсюда и проистекает, – пишет де Унамуно, – жестокая борьба за то, чтобы выделиться, за то, чтобы как-то остаться в памяти окружающих и потомков, и эта борьба в тысячу раз ужасней, чем борьба за жизнь» [4, с. 126]. Соответственно каждая культура в зависимости от специфики смысложизненных ориентаций предлагает личности образцы обретения им бессмертия.

В страхе человека перед смертью проявляются две противоположные тенденции, связанные с его отношением к жизни. С одной стороны, учитывая определённую абсурдность смерти, её непредсказуемость, человек может не строить долговременных планов на будущее, а жить в ситуации «здесь и сейчас». Но в этой ситуации могут проявляться крайние формы эгоистического отношения человека к жизни, актуализируются такие негативные человеческие качества как тщеславие, зависть, подавление других людей и т.п. Наибольшего успеха в позитивном, как кажется человеку, моменте полной реализации своего потенциала в ситуации «здесь и сейчас» может добиться наиболее аморальный, беспринципный человек, строящий свой успех на несчастьях других людей.

Учитывая, что рост индивидуализации человека напрямую связан, особенно в контексте развития западного общества, с бытийным принципом обладания, страх смерти является страхом утраты обладания вещами этого мира. Причём речь идёт не о конкретных вещах, а о возникновении ситуации абсолютной невозможности обладать вообще чем-либо в бытии. Смерть в таком случае носит исключительно негативный характер, т.к. ставит предел всякой возможности обладания. Мировые религии не оставляют человеку надежды на обладание чем-либо в загробной жизни, в отличие от язычества (примером чего выступают погребальные комплексы богатых людей в языческих культурах).

Восточные культуры, в отличие от западных, рассматривают смерть не как абсолютное завершение существования. Присущие им концепции посмертного бытия имеют весьма широкий спектр – от высоких состояний сознания до конкретных образов другого мира. Во всех этих представлениях смерть не отождествляется с полным исчезновением индивида. Причина этого – в ориентации восточной культуры на принцип бытия. Итогом же стало то, что «страх» смерти не был так актуализирован в данной форме культуры, т.к. восточный тип человека не был ценностно ориентирован на обладание вещами бытия. Христианство же признавало конечность индивидуального существования, что уже потенциально закладывало основы негативного понимания смерти и вело к усилению страха смерти.

С другой стороны, человек как сознательная личность стремится к нейтрализации страха смерти путём обретения им смысла жизни, и этот смысл жизни связан здесь не с мгновенной реализацией себя в ситуации «здесь и сейчас», а рассчитан на постепенное в ходе жизни раскрытие внутреннего потенциала личности и стремления соотносить свои поступки и действия с верой в смысл жизни. Данная антиномичность связана с сознанием человека.

Обретение человеком веры в достижение состояния бессмертия зависит напрямую от смысложизненной ориентации. Нейтрализация страха смерти возможна здесь благодаря целому ряду вариантов достижения бессмертия: от религиозных концепций преодоления смерти до идей «социального бессмертия». Ведущую роль здесь играет, конечно, не полное устранение состояния страха смерти, что превратило бы человеческую жизнь в «дурную бесконечность», а мужественное героическое противостояние смерти путём активной, позитивной деятельности человека, связанной с воплощением в реальности смыслового плана жизни.

Но существует целый ряд ответов человека на вызов угрозы смерти, которые можно охарактеризовать как «бегство от страха смерти».

Одним из важных мнимых «немужественных» механизмов нейтрализации страха смерти выступает бегство от смерти путём формирования тех или иных концепций обретения человеком бессмертия (от религиозных идей до концепций «социального бессмертия»). Речь в данном случае идёт не об устранении абсолютного источника угрозы для бытийного существования человека – смерти, а о продолжении его существования

в иных неземных качествах в потустороннем мире, либо о сохранении о нём коллективной памяти в истории общества. Несмотря на положительные моменты, есть в этой реакции и негативные стороны.

Веря в те или иные религиозные концепции бессмертия, человек в своей жизнедеятельности ориентируется на систему ценностей, которая акцентирует внимание не на земном, а на потустороннем мире. Жизнедеятельность человека в земном мире выступает лишь средством для последующего посмертного воздаяния. За благими деяниями человека могут скрываться сугубо эгоистические, корыстные интересы. Совершая позитивные поступки, человек может эгоистично надеяться на то, что они ему зачтутся в будущем внеземном существовании. Такие исторические примеры как продажа индульгенций в истории католицизма или прощение человеку земных грехов в обмен на определённый эквивалент материальных пожертвований на нужды церкви показывают, что иллюзию благостного постземного существования можно приобрести, не совершая благих поступков, а просто купив. Нередко ориентация на религиозную концепцию бессмертия приводит к социальной пассивности личности, когда, несмотря на проявления социальной несправедливости, человек на них неадекватно реагирует, боясь нарушения определённых религиозных заповедей, боясь будущего постземного наказания.

В условиях усилившихся с XIX века процессов секуляризации определённую популярность приобрели и материалистические концепции социального бессмертия. Начиная с эпохи Возрождения, в западном типе культуры утверждается идеал индивидуалистического обретения бессмертия. Страшась смерти, человек стремится её избежать путём земного самоутверждения. Критериями же земного самоутверждения подчас выступают не заслуги перед обществом, не духовные качества личности, а материальные достижения – успешность деятельности, количество капитала, социальный статус. Подобный вид избегания смерти очень часто вступает в конфликт с общечеловеческими этическими нормами, оправдывая нередко безнравственные поступки человека утилитарными целями. Характерным примером этого выступает секуляризованная протестантская этика, оправдывающая такой вид нейтрализации страха смерти.

Другой характерной реакцией человека на страх смерти является агрессивное отношение к такому неуловимому объекту как смерть. Имеется здесь в виду устранение смерти как объекта, прежде всего, прекращающего биологическое существование человека. Эта реакция имеет глубокие традиции от алхимических поисков «эликсира бессмертия» до современных технических поисков решения проблемы бессмертия или хотя бы увеличения сроков жизни человека. На наших глазах, устанавливающиеся веками нормы поведения в отношении к смерти сталкиваются с современными техническими возможностями. Смерть человек всё менее воспринимает как закономерное завершение своего жизненного пути, судьбу, а всё более как техническую ошибку, несовершенство медицинской техники, как результат несвоевременно оказанной помощи.

Когда человек не способен ни избежать субъективно угрозы смерти, ни подавить этот объект, то он впадает в реакцию ступора по отношению к смерти. Страх смерти до такой степени парализует все структуры его сознания, что человек оказывается готов на всё ради сохранения жизни. Такая ситуация приводит к усилению социальной пассивности личности, ориентации человека на конформистские стереотипы, стремлению полностью устранить из жизни ситуации, несущие в себе угрозу смерти. Примером проявления такой реакции могут служить ситуации, когда человек готов отказаться от определённых нравственных постулатов ради сохранения своей жизни (например, случаи предательства). Наиболее опасным в данном случае является формирование у человека безразличного отношения к жизни окружающих его людей. Человек погружается в мир только своих личных повседневных проблем. Если возникает угроза смерти, исходящая от общества, человек попытается любыми способами приспособиться к такой ситуации.

Все вышеуказанные реакции «бегства от смерти», будь то активное избегание смерти через бессмертие или попытки устранения объекта – смерти, или пассивное отношение к смерти путём приспособления к любым изменениям условий социального бытия, скорее не нейтрализуют смерть, а приводят к усилению страха перед ней и деформируют личность.

Список литературы

1. **Гегель.** Философия религии: в 2-х т. М.: Мысль, 1977. Т. 2. 573 с.
2. **Соловьёв В. С.** Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.
3. **Унамуно М.** О трагическом чувстве жизни. М.: Символ, 1996. 416 с.
4. **Унамуно М.** О трагическом чувстве жизни у людей и народов. Глава 3. Жажда бессмертия // Философские науки. 1991. № 10. С. 117-130.
5. **Чанышев А. Н.** Трактат о небытии // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 158-165.

FEAR OF DEATH IN COLLECTIVISTIC AND INDIVIDUALISTIC CULTURES

Borovoi Evgenii Mikhailovich
Siberian State University of Telecommunications and Informatics
bor77@ngs.ru

The author considers the essence and nature of the phenomenon of fear of death in ontological aspect, along with the biological component of fear of death typically reveals its spiritual component associated with the human realization of his (her) mortality, determines that the intensification of fear of death depends on the degree of personality and society individualization development, taking it into account conducts the comparative analysis of fear of death, and researches the mechanisms of its neutralization in collectivistic and individualistic cultures.

Key words and phrases: fear; death; individualism; collectivism; heroism.